

На правах рукописи

Гайнутдинова Аида Фирдинатовна

**ВОЗВРАТНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Казань – 2012

Работа выполнена на кафедре русского языка как иностранного в
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Трошкина Татьяна Петровна

Официальные оппоненты: **Николаева Наталия Геннадьевна**
доктор филологических наук, доцент
зав. кафедрой латинского языка ГОУ ВПО
«Казанский государственный
медицинский университет»

Родионова Светлана Евгеньевна
Кандидат филологических наук, доцент
кафедры современного русского
языкознания ФГБОУ ВПО «Башкирский
государственный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Московский государственный
университет имени М.В.Ломоносова»

Защита состоится «25» мая 2012 года в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.078.04 при ФГАОУ ВПО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань,
ул. Татарстан, 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО
«Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Автореферат разослан «21» апреля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

С.С. Сафонова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Местоимения всегда были и по-прежнему остаются темой, вызывающей неподдельный интерес и не менее оживленные споры среди ученых-языковедов. Изучение лингвистической литературы показывает, что за последние два века исследователи значительно расширили спектр представлений о местоименных словах, но так и не пришли к единой точке зрения на природу, семантику, функции и состав данного класса. Следовательно, изучение «местоименной» проблематики по-прежнему отвечает задачам современной лингвистики.

Объектом реферируемого диссертационного исследования стала группа возвратных местоимений в русском языке.

К теме возвратных местоимений в разное время обращались Ф.И. Буслаев, А. Мейе, А.М. Пешковский, О.Н. Трубачев, М.В. Федорова, Е.В. Падучева, А. Тимберлейк, М.А. Шелякин, представители Казанской лингвистической школы и др. Из исследований последнего времени можно отметить работы А.В. Кравченко, Е.В. Корневой, Г.И. Берестнева. Изучение велось в рамках сравнительно-исторического языкознания, синтаксического направления, теории референции, сопоставительной лингвистики, когнитивного подхода, теории функционально-семантических полей. Данное диссертационное исследование предпринято в русле семасиологического направления функционального подхода, которое М.А. Шелякин характеризует также как «формоцентрическое», так как оно исходит из изучения грамматики по принципу «средство выражения (носитель функции) – функция». М.А. Шелякин подчеркивает, что данный принцип «несмотря на длительную традицию в изучении языка, далеко не исчерпал себя и является необходимым этапом для осуществления принципа от функции к форме» [Шелякин 2001].

Таким образом, **актуальность** диссертационного исследования определяется его направленностью на исследование функциональных возможностей возвратных местоимений, характеризующихся высокой частотностью употребления в современном русском языке.

Актуальность работы обуславливается также 1) потребностью в комплексном семантико-функциональном изучении группы возвратных местоимений, которые традиционно растворены в грамматиках; 2) назревшей необходимостью анализа и описания накопившихся эмпирических данных о функционировании возвратных местоимений; 3) важностью теоретического осмысления тенденций в русском языке новейшего периода, связанных с функционированием возвратных местоимений.

Необходимо отметить, что существует различное понимание состава рассматриваемой группы местоимений: от предельно узкого, традиция которого восходит к грамматике М.В. Ломоносова, указывавшего на одно «возвратительное» местоимение себя, до предельно широкого, представленного в исследовании сербского лингвиста П. Пипера, предлагающего выделять 11 возвратных местоимений в русском языке.

В своем диссертационном исследовании в группу возвратных мы вслед за А.М. Пешковским, Е.В. Падучевой включаем местоимения *себя*, *свой*, а также, следуя логике М.А. Шелякина, местоимение *друг друга*.

Очевидно, что положение данных местоимений в традиционной грамматике неравноценно: если *себя* и *свой* считаются полноправными членами системы русских местоимений, то *друг друга* еще только отвоевывает право причисляться к ним, хотя на существование в русском языке особого местоимения *друг друга* указывали такие именитые лингвисты, как А.А. Шахматов [Шахматов 1941: 498], О. Есперсен [Есперсен 1958: 260-261], Ф.И. Буслаев [Буслаев 1959: 400-402], А.В. Исаченко [Исаченко 1960: 384]. И хотя традиционной грамматикой, а тем более школьной, данное местоимение долгое время не признавалось, сейчас мы наблюдаем процесс «узаконивания» статуса *друг друга*. В ряду других местоимений встречаем его в «Краткой русской грамматике» и в «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой, в «Грамматическом словаре» А.А. Зализняка, в энциклопедии «Русский язык» под ред. Ю.Н. Караулова. Закрепляется оно и в учебниках для высшей школы: в учебном пособии «Современный русский язык. Морфология» Э.А. Балалыкиной 2003 года, в учебнике «Современный русский язык» под ред. Л.А. Новикова 2003 года, учебно-методическом комплексе «Морфология современного русского языка» коллектива авторов Санкт-Петербургского университета 2009 года. В пользу местоименной природы *друг друга* свидетельствуют его ситуативность, «незнаменательный характер», изоморфизм по отношению к местоимению *себя*.

Основание объединения трех местоимений в единую группу – общее значение возвратности, которое проявляется, в первую очередь, в специфике анафорической функции: возвратные местоимения осуществляют «возврат» к высказыванию, частью которого являются, причем суть устанавливаемой анафорической связи – отношения кореферентности, то есть совпадение референта возвратного местоимения и референта другого члена высказывания (чаще всего – субъекта).

В этом смысле собственно возвратным, то есть выполняющим только функцию «возврата» к кореферентному ему члену высказывания, является местоимение *себя*. Местоимение *свой* объединяет значения возвратности и притяжательности, поскольку указывает на посессора, соотносимого с другим членом того же высказывания. Соответственно, применительно к местоимению *свой* по примеру А.М. Пешковского [Пешковский 1938: 160] и А.А. Шахматова [Шахматов 1941: 497] логично использовать термин «возвратно-притяжательное».

Спецификой местоимения *друг друга* является сплав значений возвратности и взаимности: местоимение осуществляет «возврат» к члену высказывания, представляющему собой некое множество, и в то же время обозначает наличие взаимоотношений между «участниками» данного множества. Так, в наиболее частотном употреблении (*Они любят друг друга*) местоимение *друг друга* указывает, что каждый субъект действия,

принадлежащий определенному множеству, является объектом аналогичного действия другого субъекта из того же множества.

Показательным для понимания сущности местоимения *себя* и *друг друга* становится следующий контекст, в котором функцию *друг друга* призвано выполнить местоимение *себя* в связке с наречием *взаимно*, что удивительным образом подтверждает идею о том, что местоимение *друг друга* как раз объединяет значение возвратности (*себя*) и взаимности (*взаимно*): *Деревья перестали покачиваться и задевать друг друга сучьями; они выпрямились; только изредка наклонялись верхушками между собою, как будто **взаимно** предупреждая **себя** шепотом о близкой опасности* (Гончаров, 1847).

Наиболее удачным в отношении местоимения *друг друга* мы считаем термин «взаимно-возвратное», используемый, например, в «Краткой русской грамматике» 1989 г., «Функциональной грамматике русского языка» М.А. Шелякина.

Таким образом, термины возвратное, возвратно-притяжательное и взаимно-возвратное включены в **терминологическую базу** нашей работы.

Предметом исследования стали особенности функционирования группы возвратных местоимений в русском языке.

Цель работы заключается в выявлении и комплексном изучении функционирования возвратных местоимений *себя*, *свой* и *друг друга* в русском языке.

Данная цель обусловила постановку и решение следующих конкретных **задач**:

1. осветить историю форм и употребления местоимений *себя*, *свой* и *друг друга*, привлекая данные других славянских языков;
2. сопоставить грамматические особенности возвратных местоимений;
3. описать и сравнить синтаксические структуры, допускающие использование местоимений *себя*, *свой* и *друг друга*;
4. выявить границы употребления возвратных местоимений, определяемые лексико-грамматическими особенностями антецедента;
5. рассмотреть связь местоимения *друг друга* с иными средствами выражения значения взаимности;
6. выявить и описать закономерности функционирования местоимения *друг друга* с производными и непроизводными предлогами, дать рекомендации по употреблению данных предложно-падежных сочетаний;
7. обозначить актуальные процессы в сфере функционирования возвратных местоимений.

Теоретико-методологическую базу работы составляют труды Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, Е.В. Падучевой, М.А. Шелякина, Н.А. Янко-Триницкой, М.И. Откупщиковой, М.В. Федоровой, Н.А. Еськовой, Ю.П. Князева, В.Б. Евтюхина, представителей Казанской лингвистической школы: В.А. Богородицкого, Г.А. Николаева, Э.А. Балалыкиной.

Методологическую основу исследования составили метод непосредственного наблюдения за функционированием местоимений в современном русском языке; метод селекции, позволяющий отобрать фактический материал для проведения исследования; количественные методы обработки данных, методы структурного анализа, классификации, контраста, объективизации единичных случаев и прогнозирования, описательный метод, историко-функциональный метод, а также метод анализа научной литературы и словарных дефиниций.

В рамках настоящего исследования **материал** был получен методом сплошной выборки из электронной базы данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а именно: основного, включающего прозаические письменные тексты XVIII – начала XXI века (209201893 слова), и газетного, в котором представлены статьи из средств массовой информации с 2000 по 2008 год (113292003 слова). Источниками также послужили произведения классической литературы XIX–XX вв. (А.С.Пушкина, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.И. Куприна, Л.Н. Андреева, М.А. Булгакова и др.) и художественные тексты последнего времени, опубликованные в литературно-художественных и гуманитарных журналах: «Арион», «Дружба народов», «Звезда» «Знамя», «Иностранная литература», «НЛО», «Новая Юность», «Новый мир», «Октябрь», архивы которых (с 1993 года) представлены на сайте интернет-проекта «Журнальный зал». Кроме того, источником материала послужили опубликованные в сети Интернет архивы газет «Аргументы и факты», «Московский Комсомолец», «Комсомольская правда», «Независимая газета», «Российская газета», «Литературная газета», периодические издания издательского дома «Коммерсантъ», записи передач радиостанций «Эхо Москвы» и «Радио Свобода».

Научная новизна работы связана с тем, что настоящее исследование представляет собой первую попытку комплексного изучения возвратных местоимений на современном этапе с учетом их исторического развития. В работе выявляется параллелизм синтаксических конструкций, в которых функционируют возвратные местоимения, устанавливаются границы их употребления, определяемые лексико-грамматическими особенностями антецедента. Впервые в лингвистической литературе полно и объективно формулируются принципы функционирования местоимения *друг друга* в предложно-падежных сочетаниях, предлагается новый взгляд на природу взаимодействия местоимения *друг друга* с возвратными глаголами со значением взаимности. В исследовании широко используется материал базы данных Национального корпуса русского языка, ранее не привлекавшийся к изучению возвратных местоимений.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты позволяют значительно расширить существующие представления о возможностях функционирования возвратных местоимений. Выявленные тенденции и предложенная методология исследования формируют теоретическую базу для дальнейшего наблюдения за функционированием

возвратных местоимений на современном этапе. Важно подчеркнуть, что выводы, сделанные автором исследования, могут быть использованы при изучении других проблем грамматики русского языка: закономерностей эволюции предлогов, особенностей функционирования возвратных глаголов, развития синтетических и аналитических форм в русском языке. Положения диссертации могут найти применение в лингводидактике.

Практическая ценность диссертации обуславливается тем, что результаты исследования могут быть использованы в теории и практике преподавания русского языка, в том числе в вузовских курсах по морфологии, синтаксису и стилистике, специальных курсах по актуальным проблемам функциональной грамматики современного русского языка. Материал исследования актуален для методики преподавания русского языка как неродного, а также может быть включен в грамматики, учебники и справочные пособия по современному русскому языку.

Апробация работы: основные идеи исследования обсуждались на Международной научной конференции «В.А. Богородицкий: научное наследие современное языковедение» (Казань, 4–7 мая 2007 г.), на IX и X Международных научно-практических конференциях «Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории» (Санкт-Петербург, 21 – 23 апреля 2010 г. и 20 – 22 апреля 2011 г.), Международной научно-практической конференции «Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение» (Казань, 10-11 ноября 2011), были представлены в докладах на ежегодных Итоговых научно-исследовательских конференциях Казанского федерального университета (2009, 2010, 2011, 2012 гг.) и получили отражение в 9 публикациях по теме исследования (2 из них – статьи в изданиях, рекомендованных ВАК).

Результаты диссертационного исследования **внедрены** в учебный процесс и используются автором при чтении лекций по дисциплине «Сравнительная типология русского и испанского языков» (для студентов отделения романо-германской филологии Института филологии и искусств КФУ), проведении практических занятий по дисциплинам «Практическая грамматика русского языка» (для иностранных студентов первого курса магистратуры отделения русской филологии Института филологии и искусств КФУ, а также для иностранных студентов факультета журналистики и социологии КФУ), «Лексика русского языка» для иностранных студентов-стажеров КФУ, практического семинара для студентов базового курса русского языка как иностранного Гиссенского университета им. Ю. Либиха (Германия).

Основные **положения**, выносимые на защиту:

1) Местоимения *себя*, *свой* и *друг друга* являются наследием общеславянского периода, но сегодня они не столько демонстрируют общность славянских языков, сколько указывают на специфичность русского языка.

2) Возвратные местоимения обнаруживают изоморфизм на грамматическом уровне. Однако если местоимения *себя* и *свой* оказываются

синтаксически противопоставленными, то местоимение *друг друга* способно выполнять синтаксические функции каждого из них.

3) Функционирование возвратных местоимений во многом определяется лексико-грамматическими характеристиками антецедента, например его отношением к категории одушевленности/ неодушевленности, а также способом выражения значения множественности, если речь идет о местоимении *друг друга*. Вопреки существующим представлениям, возможности функционирования возвратных местоимений при неодушевленном антецеденте достаточно широки.

4) Основные синтаксические конструкции, допускающие употребление возвратных местоимений, отличаются очевидным параллелизмом. Тем не менее можно выделить и некоторые отличительные позиции: для местоимения *друг друга* это позиция сопредикатности с дополнением, для возвратного *себя* – функционирование в субстантивно-адъективной цепочке, для местоимений *себя* и *свой* – позиция дальней сопредикатности с субъектом.

5) Функционирование местоимения *друг друга* с производными предлогами определяется, прежде всего, внутренними характеристиками последних, а именно: степенью их «освоенности» системой языка, своеобразным маркером которой и оказывается взаимно-возвратное местоимение. Тем не менее на современном этапе можно говорить о влиянии на функционирование предложно-падежных сочетаний двух противоположных тенденций: к интерпозиционному и препозиционному употреблению предлогов.

6) Возвратные местоимения в современном русском языке демонстрируют расширение сферы своего функционирования, распространяясь на не свойственные им позиции, в том числе нарушающие литературную норму.

Структура диссертации продиктована ее целью и задачами. Кроме того, она определяется меньшей изученностью местоимения *друг друга* по сравнению с местоимениями *себя* и *свой*. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. В первой и второй главах рассматриваются парадигматические и синтагматические особенности местоимений *себя*, *свой* и *друг друга*, третья глава посвящена изучению функционирования взаимно-возвратного местоимения с предлогами. Библиографический список включает более 150 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** аргументируется актуальность исследования, обосновываются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект и предмет изучения, формулируются цель и задачи исследования, основные положения, выносимые на защиту, характеризуются источники материала и методология, указываются сведения об апробации полученных результатов диссертационного исследования. Введение содержит обзор точек зрения на природу местоименных слов и их

отношение к категории частей речи, а также историю изучения возвратных местоимений в лингвистической литературе. Приводятся различные мнения исследователей о составе группы возвратных местоимений и обосновывается принятое в диссертации понимание данной группы как включающей местоимения *себя*, *свой* и *друг друга*. Отдельно оговаривается грамматический статус и различные трактовки местоимения *друг друга*. Кроме того, решается вопрос о терминологии: за местоимением *себя* закрепляется термин возвратное, местоимению *свой* присваивается определение возвратно-притяжательное и местоимению *друг друга* – взаимно-возвратное.

Первая глава «Возвратное местоимение себя и возвратно-притяжательное местоимение свой» состоит из 6 разделов, посвященных комплексному рассмотрению возвратных местоимений *себя* и *свой*. В главе используются термины антецедент, сопредикатность, кореферентность, субстантивно-адъективная цепочка.

В первом разделе вскрывается древний характер и генетическая связь местоимений *себя* и *свой*, которая до сих пор четко прослеживается в литовском: «*savęs*» (*себя*) и «*savo*» (*свой*). Приводятся различные точки зрения на происхождение возвратных местоимений с указанием прототипических соответствий: 1) от индоевропейской основы **sew-*, **sw-* (**s-*) со значением «принадлежащий кому-либо», генетически восходившей к местоименному корню **k-*, служившему базой для создания слов, указывающих на близкий предмет; 2) от индоевропейской основы **swe/o* со значением номинации «той социальной группы, к которой относится говорящий»; 3) от индоевропейской основы **sue-* как расширения глагольной основы **su-*, обозначавшей деторождение и плодовитость.

Описываются исторические изменения, предшествовавшие формированию единой парадигмы возвратного себя: 1) изменение окончания в форме Р.п. «**СЕБЕ**» → «**СЕБЯ**»; 2) смена гласного в основе форм Д.п. и П.п. «**СОБЪ**» → «**СЕБЪ**»; 3) появление вариативности окончаний в форме Тв.п. «**СОБОЮ**» / «**СОБОЙ**»; 4) исчезновение энклитических, или кратких, форм «**СЯ**» в В.п. и «**СИ**» в Д.п., сыгравших решающую роль в формировании категории залога в русском языке. При этом отмечается устойчивость форм словоизменения возвратно-притяжательного местоимения.

Во втором разделе предлагаются два взгляда на формирование возвратных местоимений, способных относиться ко всем трем грамматическим лицам, как на явление общеиндоевропейского либо общеславянского периода. Приводятся данные исследователей, подтверждающие, что свойство «вселичности» возвратных местоимений в русском языке – наследие общеславянской тенденции. При этом автором выявляется следующий парадокс: значительные изменения, коснувшиеся форм местоимения *себя*, не затронули принципов его функционирования, напротив, возвратно-притяжательное местоимение, не претерпев каких-либо существенных изменений парадигмы словоизменения, в историческом развитии испытывает колебания норм употребления. Например, лингвистами

отмечается последовательное уменьшение использования местоимения *свой* как синонима к *твой* и *мой* в древнерусских текстах, сокращение употребления местоимения *свой* в связи с закреплением лексемы его как обозначающей принадлежность только третьему лицу, снижение употребления местоимения *свой* при первом и втором лице в первой половине XIX века и, напротив, расширение сферы его функционирования к концу XX века.

Рассмотрение грамматических характеристик возвратных местоимений, составляющее содержание *третьего раздела*, позволяет сделать вывод, что местоимения *себя* и *свой* в современном русском языке по-прежнему объединяет свойство «вселичности», кроме того, отсутствие формы именительного падежа у возвратного *себя* поддерживается неупотребительностью в именительном падеже местоимения *свой* (данная форма принадлежит омонимичному прилагательному).

Автор демонстрирует, что местоимение *себя*, помимо традиционно присваиваемой ему функции прямого и косвенного дополнения, способно в сочетании с предлогами выполнять роль обстоятельства: *Мы вошли в дом и сели друг подле друга.* (Тургенев, 1858); *Лариса Николаевна положила руки перед собой на стол, скрестила, утвердила на них подбородок* (Солженицын, 1990). А также входить в состав определения: *Никогда ни о чем ее не спрашивал, думала она вдруг эту новую для себя мысль со смесью жалости к себе и злости к нему* (Аксенов, 1977-1979); *Постройка походила на ступенчатый цилиндр из нескольких бетонных боксов, стоящих друг на друге.* (Пелевин, 1999). Однако местоимение *себя* не может самостоятельно занимать позицию определения (несогласованного), обозначая принадлежность, поскольку данная позиция закреплена в языке за возвратно-притяжательным *свой*.

В целом, грамматические различия между возвратным и возвратно-притяжательным местоимениями сводятся к разграничению признаков субстантива и адъектива.

Анализ зависимости функционирования возвратных местоимений от одушевленности антецедента, предпринятый в *четвертом разделе*, доказывает, что, вопреки распространенному мнению о том, что возвратные местоимения употребляются почти всегда при названии лиц, возможности использования местоимений *себя* и *свой* при неодушевленном антецеденте также широки.

Помимо ожидаемых контекстов с использованием приема олицетворения: *Над рекой медленно и безразлично садилось усталое солнце, разливая вокруг себя лампадный свет* (Астафьев, 1987-1997), автором указываются широко распространенные в современном публицистическом дискурсе контексты, в которых местоимения *себя* и *свой* соотносятся с названием города (*Москва, Вашингтон*), страны (*Россия, Франция*), организации (*ООН, Всемирный банк*), компании (*Газпром, Лукойл*), спортивной команды (*Рубин, Зенит*), либо непосредственно с существительными *государство, страна, компания* и т.д., в результате

метонимического переноса получившими значение группы лиц: *Да, ФСБ вернула себе две службы, от неё откромсанные: ФАПСИ и пограничников (Ежен. журнал, 2003.03.17); Я понимаю, что Генпрокуратура пиарит себя (Эхо Москвы, 2003).*

Кроме того, в работе выявляется ряд клишированных сочетаний, характерных, в первую очередь, для научного стиля речи, допускающих свободное употребление местоимения **себя** с неодушевленным антецедентом (в основном, абстрактными существительными).

Большинство из данных сочетаний характеризуются тем, что возвратное местоимение в них может быть опущено без изменения смысла высказывания. Речь идет о таких оборотах, как **включать в себя, вмещать в себя, вбирать в себя, впитать в себя, вобрать в себя, заключать в себе, нести в себе, содержать в себе, таить в себе, сосредоточивать в себе, иметь в себе, сочетать в себе, соединять в себе, брать на себя, влечь за собой, заменять собой, заполнять собой, подчинять себе, притягивать к себе, привлекать к себе внимание**. Поэтому разрабатываемый план должен **включать в себя** все альтернативные пути решения... (Информ. техн. № 4, 2004); Российская модель **впитала в себя** опыт Швеции, США и Германии (Коммерсантъ-Власть, № 12, 2002); Результаты показали, что при нарушении зрительного контроля моторная стадия **берёт на себя** основную нагрузку (Вопр. психологии, №6, 2003).

Однако отмечается и ряд выражений, в которых присутствие **себя** не может считаться избыточным, возвратное местоимение необходимо для правильного понимания фразы. Имеются в виду следующие словосочетания: **изжить себя, исчерпать себя, дискредитировать себя, (не) оправдать себя, (не) окупить себя, показать себя, обнаруживать себя, проявлять себя, зарекомендовать себя, представлять собой, являть собой**. Второй путь трудно осуществим, так как потребует значительных инвестиций, которые в конечном итоге **себя не окупят** (Вопр. вирусологии, 2002.10.14); Такое впечатление, что известные физические идеи **себя исчерпали** и для дальнейшего продвижения нужна новая экспериментальная информация (Знание - сила, № 1, 2003); Такого рода традиции **проявляют себя** и в остальных областях духовной и материальной культуры (Вестник РАН, № 7, 2003).

В пятом разделе предлагается обзор семи рефлексивных конструкций, предложенных Е.В. Падучевой, однако подробно исследуется функционирование местоимения **себя** в контексте субстантивно-адъективной цепочки, нестандартность которой заключается в том, что постановка в ней возвратного местоимения, кореферентного подлежащему (или субъекту), нарушает общее правило сопредикатности с подлежащим или семантическим субъектом. Кроме того, в данном контексте обнаруживается вариативная постановка возвратного и личных местоимений (*он исполняет непривычную для себя/него роль*). Согласно Е.В. Падучевой, подобное противопоставление

местоимений является семантическим и определяется различной эмпатией говорящего.

Проведенный анализ текстов классической литературы XIX в., с одной стороны, подтверждает, что использование возвратного или личного местоимения 3 лица в субстантивно-адъективной цепочке связано с семантическим противопоставлением местоимений, основанном на различии точек зрения говорящего (наблюдателя) или денотата подлежащего. *Дарья Александровна наблюдала **эту новую для себя роскошь** и, как хозяйка, ведущая дом<...> невольно вникала во все подробности и задавала себе вопрос, кто и как это все сделал. Первое мгновение Левин видел выражение жадного любопытства в том взгляде, которым Кити смотрела на эту **непонятную для нее ужасную** женщину (Толстой, 1878).*

С другой стороны, в исследовании выявляется ряд синтаксических условий, влияющих на выбор того или иного местоимения.

Употребление местоимения *себя* поддерживается его зависимостью от адъектива, являющегося частью составного сказуемого: *Иван Ильич женился по обоим соображениям: он **делал приятное для себя**, приобретая такую жену...* (Толстой, 1886).

Основным препятствием постановки возвратного местоимения в субстантивно-адъективной цепочке является усложненная структура фразы, оторванность от субъекта, а именно: вхождение субстантивно-адъективной цепочки в ряд однородных определений; в состав различных обособленных оборотов (уточнения, сравнения, обособленного определения), позиция перед субъектом: *Но вот однажды вечером, **после несноснейшего для меня дня**, отстал я от других на прогулке, ужасно устал и пробирался домой через сад (Достоевский, 1857).* Кроме того, отсутствуют примеры употребления возвратного местоимения в субстантивно-адъективной цепочке в безличном предложении и страдательной конструкции.

Наблюдение за функционированием субстантивно-адъективной цепочки в современной прессе демонстрирует 1) расширение ряда используемых адъективов, причем в пользу тех, что не предполагают субъект оценки как важный компонент смысла, а, наоборот, заключают в себе достаточную объективность, основанную на общности мнения некоего социума (*экзотический, культовый, традиционный*); 2) стирание семантического противопоставления между возвратным и личными местоимениями.

Все это свидетельствует о формировании синтаксической синонимии местоимения *себя* и личных местоимений, а также о значительной формализации контекстов субстантивно-адъективной цепочки, превращение их в своеобразные клише. Особый смысл в этом плане приобретает постепенный уход данной конструкции из художественной литературы XX-XXI вв. на фоне активного использования в текстах СМИ.

Шестой раздел содержит наблюдения за тенденциями последнего времени в сфере функционирования возвратных *себя* и *свой*. В ряде славянских языков на современном этапе лингвисты фиксируют сдвиг

употребления от возвратного местоимения к личным (польский) [Русский 2000: 300-301] и возвратно-притяжательного к притяжательным (болгарский, сербохорватский) [Категория 1989: 125]. В русском языке замена возвратного местоимения личным хотя и возможна, как показывает ряд примеров из литературы XIX – начала XX вв.: *Вдруг рядом со мной я увидел два открытые глаза, любопытно и упорно меня рассматривавшие* (Дост., 1864); но для современного языка не актуальна. Более активно происходит вытеснение возвратно-притяжательного **свой** притяжательным местоимением первого лица, но подобные замены касаются, в основном, сферы устной разговорной речи. *Когда я посмотрел мои декорации после пятилетнего перерыва...* ("Добрый день", ОРТ, 2001); *... я хочу сказать мое мнение* (Беседа с социологом, 2004.02.03), либо стилизации под нее в художественных произведениях последнего времени:– *Я папу моего вызову, вот что...* (Улицкая, 2000); *Про мой сон я ничего не говорю, зять оказался молодец* (Петрушевская, 2003).

В современном русском языке, напротив, намечается расширение функционирования местоимений **себя** и **свой**: для первого это контекст субстантивно-адъективной цепочки и разнообразные клишированные обороты, для второго нарушающие норму случаи употребления в позиции притяжательных местоимений: *Мне очень нравится свое имя* (Эхо Москвы, 18.03.2012); *Я смотрю/ где Чудов// Ему еще метров 70 до своего коврика//* (Россия 2, 28.03.2010); *Я хочу/ чтобы у меня все сложилось в своей жизни//* (Первый канал, 16.02.2010).

Вторая глава «Взаимно-возвратное местоимение друг друга» посвящена исследованию взаимно-возвратного местоимения *друг друга* и структурно практически полностью совпадает с первой, что служит дополнительным свидетельством близости рассматриваемых местоимений.

В первом разделе обсуждается вопрос происхождения местоимения *друг друга*, при этом в качестве наиболее достоверной представляется точка зрения на взаимно-возвратное местоимение как результат исторического объединения двух кратких форм местоимения-прилагательного *другой*. Важным является то, что в иных славянских языках русскому местоимению *друг друга* нет прямых соответствий (могут использоваться формы, аналогичные русскому *один другого*), следовательно, на современном этапе местоимение *друг друга* можно считать специфичной формой русского языка.

Обращение к грамматическим особенностям взаимно-возвратного местоимения, которым отводится место во втором разделе, вскрывает изоморфизм грамматических категорий и парадигм словоизменения местоимений *друг друга* и *себя*: оба местоимения не имеют категории рода, числа, изменяются по падежам, не обладая формой именительного падежа. Сходство местоимений *себя*, *свой* и *друг друга* определяется также их общей способностью относиться ко все трем грамматическим лицам.

Автором доказывается, что взаимно-возвратное местоимение объединяет в себе синтаксические роли местоимений *себя* и *свой*, обнаруживая близость каждому из них. *Друг друга*, как и *себя*, способно

функционировать в качестве дополнения (*любить друг друга*), обстоятельства (*двигаться друг возле друга*), части определения (*чуждые друг другу*). Как и местоимение *свой*, *друг друга* выполняет роль определения, указывающего на принадлежность (*угадывали желания друг друга*). Кроме того, местоимение *друг друга* может выполнять роль несогласованного определения в составе предложно-падежного сочетания, а также являться частью составного именного сказуемого (*остались гореть только два, друг напротив друга; выяснилось, что участки у них напротив друг друга*)

В *третьем* и *четвертом* разделах выясняются условия употребления взаимно-возвратного местоимения, связанные с лексико-грамматическими особенностями его антецедента. Параллелизм с возвратными *себя* и *свой* прослеживается и на данном уровне. В частности, взаимно-возвратное местоимение функционирует при неодушевленном антецеденте в случае семантического переосмысления (прием олицетворения и метонимии) либо если антецедент характеризуется признаком активности. Аналогично местоимению *себя*, местоимение *друг друга* активно функционирует в клишированных формулах, отличающихся неоднородностью: наряду с оборотами, обнаруживающими избыточность местоимения (***отличаться друг от друга, взаимодействовать друг с другом, совпадать друг с другом, сочетаться друг с другом, соотноситься друг с другом, согласовываться друг с другом, гармонизировать друг с другом, контрастировать друг с другом***), выявлены те, в которых употреблением местоимения достигается смысловая однозначность (***дополнять друг друга, исключать друг друга, соответствовать друг друга, противоречить друг другу, противостоять друг другу***).

Отличительной особенностью местоимения *друг друга* является функционирование в предложно-падежном сочетании при указании на взаиморасположение двух предметов в пространстве (***друг напротив друга висели два портрета***).

Специфика взаимно-возвратного местоимения обнаруживается в том, что необходимым условием его кореферентности антецеденту является наличие у последнего семантики множественности деятелей. Для выражения данного значения используются не только ожидаемые формы множественного числа существительных или местоимений (*дети, они*), сочетание форм единственного числа (*муж и жена*), количественно-именные сочетания (*три сестры*), сочетания с существительными *большинство, множество* (*множество людей, большинство студентов*), собирательные числительные (*двое, трое*), но и неожиданные формы единственного числа. Речь идет о собирательных существительных (*духовенство, пехота, зверье, рассада*), а также близких им существительных, указывающих на множество живых существ (типа *народ, толпа, команда, компания, власть, семья, пара*), счетных существительных (*тройка, четверка*), а также существительных *множество* и *большинство* без зависимых слов. Причем если указанные формы выполняют функцию подлежащего, то *друг друга* используется при

сказуемом в форме единственного числа: *Только-только команда, которую называют «путинской», притерлась друг к другу, срослась в более или менее работающий механизм и занялась делом* («Известия», 2001.11.27). Дальнейшее расширение границ антецедента, как, например, использование *друг друга* при местоимении *каждый*, приводит к речевым ошибкам: *Из этих разных по характеру людей получился отличный дуэт, в котором каждый дополнял друг друга* (Сов. спорт, 2004.06.30).

Местоимение *друг друга* обладает широкими возможностями функционирования в различных синтаксических конструкциях, что демонстрируется в пятом разделе второй главы. Анализ потенциала функционирования *друг друга* в рефлексивных конструкциях, свойственных *себя* и *свой*, дает следующие результаты. Взаимно-возвратное местоимение свободно употребляется в позиции сопредикатности с подлежащим; с семантическим подлежащим причастия, управляющего прилагательного, деепричастия, инфинитива (субъектного, объектного, цели, приименного); с семантическим субъектом отпредикатного имени, как выраженным генетивным дополнением, так и не выраженным; с подразумеваемым подлежащим в определенно-личных, неопределенно-личных, обобщенно-личных предложениях; с косвенным антецедентом в безличных предложениях.

В этом плане главным отличием местоимения *друг друга* от местоимений *свой* и *себя* является его свободное функционирование при антецеденте – прямом дополнении, отсутствие строгого запрета на позицию агентивного дополнения в пассивных конструкциях и, напротив, неупотребительность в позиции дальней сопредикатности и субстантивно-адъективной цепочки: *Людей притягивает друг к другу не сходство взглядов на элементарные единицы* (Гранин, 1987); *Девушек и парней расставили друг против друга в две цепочки* (КП, 2002.02.18). *Тысячи людей убиты. Уничтожены друг другом. Лишены смысла* (Голованов, 2002);

В шестом и седьмом разделе оценивается парадигма средств выражения значения взаимности действия. Во-первых, обосновывается вывод, что местоимение *друг друга*, как наиболее распространенное, стилистически нейтральное и обладающее широкой сочетаемостью, является доминантой синонимического ряда местоимений *друг дружку*, *один другого*, *один одного* и предложно-падежного сочетания *между собой*. Во-вторых, анализируется связь местоимения *друг друга* с возвратными глаголами взаимного значения, рассматриваемыми в работе в качестве словообразовательной группы, включающей различные словообразовательные типы. Установленную связь между словообразовательным средством и местоимением *друг друга* мы предлагаем называть межуровневой синонимией (переписываться – писать друг другу). Изучение функционирования местоимения *друг друга* при синтетических глагольных формах взаимного действия приводит к

заключению о тенденции к превращению взаимно-возвратного местоимения в универсальный аналитический показатель взаимности действия при глаголе.

Третья глава «Особенности функционирования взаимно-возвратного местоимения с предлогами» начинается с *раздела*, вводящего в проблему функционирования предложно-падежных сочетаний с местоимением *друг друга* и обобщающего немногочисленные и противоречивые сведения на сей счет, содержащиеся в грамматиках и специальной лингвистической литературе.

Во втором разделе внимание сосредоточивается на особенностях функционирования взаимно-возвратного местоимения с непроизводными предлогами. С помощью квантитативного метода обработки данных, полученных методом сплошной выборки из основного корпуса НКРЯ, устанавливается внесистемный характер препозиционного использования непроизводных предлогов (например, в основном корпусе на 4710 контекстов с сочетанием *друг с другом* приходится 4 контекста с сочетанием с *друг другом*).

Тем не менее в последнее десятилетие отмечается рост ненормативных употреблений (20 из 29 зафиксированных препозиционных употреблений датируются 2000-ными годами), особенно это очевидно для сочетания с предлогом *к*. Появление подобных контекстов в газетах является следствием передачи устной спонтанной речи интервьюируемых и фиксацией на письме речевых нарушений. При этом выявляются некоторые особенности синтаксического построения фразы, способные повлиять на препозиционное использование непроизводных предлогов: 1) встраивание местоимения в ряд предшествующих ему однородных членов, каждый из которых имеет перед собой предлог, по инерции появляющийся и перед местоимением *друг друга*: *Любопытно, что близкая картина общественных предпочтений наблюдается в двух таких не похожих ни на Россию, ни на друг друга странах, как США и Литва (Известия, 2003.02.19)*; 2) зависимость местоимения от существительного, имеющего определенное предложное управление, автоматически воспроизводимое носителем непосредственно после употребления данного существительного: *Благо примеров взаимовыручки, доброго отношения к друг другу в истории приграничных сел немало (Жизнь национальностей, 2003.06.18)*;

Отдельно рассматриваются предлоги *ради* и *кроме*, которые относятся грамматиками к непроизводным, но, в отличие от предлогов *на*, *в*, *с* и т.п., осознаются как этимологически связанные с полнозначными словами. Их исключительность отражается и в функционировании с взаимно-возвратным местоимением. Так, предлог *кроме* допускает только препозиционное использование, что можно считать формальным способом указания на его функцию: он служит для противопоставления местоимения *друг друга* как некоего смыслового целого другому содержательному единству, обычно обозначаемому отрицательным, неопределенным или определительным местоимением: *Они ничего не видели и никого не слышали, кроме друг друга (Аксенов, 2007)*.

Постановка **ради** является вариативной, тем не менее данный предлог также тяготеет к препозиции: *Два человека вместе, если они понимают друг друга, если они помогают друг другу, если они живут ради друг друга и готовы ради друг друга иногда пойти на самопожертвование (Эхо Москвы, 17.02.2006).*

В *третьем и четвертом разделах* предлагается теоретическое обоснование различных случаев взаимодействия взаимно-возвратного местоимения с производными предлогами, проводится анализ тенденций, действующих на современном этапе, активно привлекаются собранные статистические показатели частоты употребления тех или иных форм на разных временных этапах.

Автором выдвигается и доказывается гипотеза о том, что использование производного предлога в позиции между компонентами местоимения сближает его с непроизводными и свидетельствует об ослаблении связей с производящим полнозначным словом, постановка которого в интерпозиции, естественно, невозможна. Тем самым словоформа приобретает большую абстрактность значения, а вместе с ней – функциональные возможности предлога. Напротив, невозможность постановки предлога в интерпозиции говорит о незавершенности его формирования как самостоятельной единицы и о сильном влиянии производящего на его функционирование.

Например, соотносимость с омонимичным деепричастием, а также недостаточная отвлеченность значения предлога *благодаря* ограничивает его употребление с взаимно-возвратным местоимением исключительно препозицией: ... *похоже, они постарели до одинаково дальней, последней черты и держатся только благодаря друг другу (Распутин, 1970).*

Тесную связь с производящим наречием имеют предлоги *навстречу, наперерез, наперекор*, употребляющиеся, соответственно, в препозиции к местоимению. Об их «неосвоенности» в качестве предлогов говорят и сочетающиеся с ними «j-овые» формы местоимений третьего лица на месте ожидаемых «припредложных» «н-овых» форм (*навстречу ему*, а не «*нему*»). Более того, в некоторых контекстах оказывается невозможным определить, является ли данная словоформа предлогом или наречием, как, например, в случае постпозиционного употребления лексем *навстречу, наперерез*: *Днем, на улице, я видела, как двое бежали друг другу навстречу (Щербакова, 1996); ...вспышки фотографов, которые, отдавливая ноги всем подряд, бросаются друг другу наперерез (Автопилот, 2011, №2).*

В пользу того, что перед нами предлог, говорит управляемая им форма дательного падежа местоимения, в то же время *навстречу* несет на себе ударение, а постановка его в конец фразы превращает его в рематический центр. При этом *навстречу* служит не только для выражения определенных отношений, но и для характеристики действия.

Именно осознание недостаточной самостоятельности предлога, стремление отделить его от наречия приводит к появлению составного предлога *навстречу к*, избыточного по своей сути: *ЦСКА со «Спартак» в*

*Израиле дружно устремились **навстречу друг к другу** сквозь украинское сопротивление (Сов. спорт, 2007.02.01).*

Амбивалентность свойственна и лексеме *мимо*, причем в данном случае можно говорить о семантическом и функциональном разграничении позиций. Собственно предлог *мимо* со значением «около, в непосредственной близости» встречаем в интерпозиции: *...и в полной растерянности, выражением которой он щедро со мной поделился, когда мы прошли **друг мимо друга**. (Найман, 1994); Они встретились на сравнительно свободном участке шоссе и проскочили **друг мимо друга**, едва не столкнувшись (Стругацкие, 1969).*

В препозиции о *мимо* скорее следует говорить как о «нерасчлененном тождестве» предлога и наречия. Здесь реализуются значения, содержащие характеристику действия и в большей степени соответствующие наречию. Например, «не останавливаясь, не задерживаясь, минуя»: *Они встретились в Омске, на мосту через речку. Прошли **мимо друг друга**, а потом одновременно оглянулись (Известия, 2006.08.21); «не обратив внимания, не заметив, упустив»: *В этот столь решающий для всей последующей жизни момент они были друг к другу ближе всего, могли по-настоящему встретиться, но... разминутись, прошли **мимо друг друга** («Наш современник», 2002.06.15); «не обращая внимания, не замечая, несогласованно»: *Все персонажи несчастливы. Они живут "**мимо**" **друг друга** (ИА Бел.ру); Все смотрят **мимо друг друга**, все друг от друга закрыты (Харитонов, 2002).***

Окончательно освоенными системой языка являются предлоги *против, после, подле, возле, около, близ*, что подтверждает их последовательное употребление в интерпозиции, которое на современном этапе следует признать единственной нормой. Однако лишь сочетание *друг против друга* (в настоящее время) можно признать стилистически нейтральным и активно употребляющимся, сочетание *друг после друга* характеризуется узостью сферы функционирования: *Граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют **друг после друга** (ГК РФ, 2001); а сочетания *друг возле друга, друг около друга, друг подле друга, друг близ друга* имеют книжный, не соответствующий стилистике современной разговорной речи характер: *Надежный порт, где мы – в течение нескольких лет нашей общей жизни – стояли **друг подле друга**, сменился шаткой лодчонкой, в которой теперь я оставалась в одиночестве (Чижова, 2002).**

Анализ функционирования местоимения *друг друга* в ряде иных предложно-падежных сочетаний позволяет сделать важный вывод об активном развитии в русском языке новейшего периода противоположной тенденции: к препозиционному употреблению производных предлогов, уже освоенных системой языка. Об этом прежде всего свидетельствует история предложно-падежного сочетания с предлогом *относительно*. Первые употребления данного сочетания фиксируются НКРЯ в текстах конца XIX в., и все они характеризуются препозиционной постановкой предлога. С начала

XX в. появляются интерпозиционные варианты данного сочетания (в том числе у авторов, использовавших ранее препозиционный вариант), в течение всего XX века количество интерпозиционных употреблений нарастает и в результате превышает количество препозиционных (34 интерпозиционных против 20 препозиционных в основном корпусе НКРЯ за XX в.). Сегодня предлог *относительно* свободно употребляется в интерпозиции, при этом в значении расходится с омонимичным производящим наречием, никак не соотносясь с ним и в данном употреблении. Очевидно, что лексема *относительно* в XX в. «встраивается» в ряд предлогов и успешно функционирует в этом качестве. Это подтверждает и параллельное развитие отношений данного предлога с формами местоимений третьего лица: от конкуренции «н-овых» и «j-овых» форм, наблюдавшейся в конце XIX века, до последовательного использования «н-овых» форм в наши дни. Показательно, что М.Е. Салтыков–Щедрин, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов отдавали предпочтение «j-овым» формам: *Относительно ее я не имел никаких определенных намерений* (Чехов, 1892).

Следовательно, неожиданный резкий рост препозиционных вариантов сочетания предлога с местоимением *друг друга*, фиксируемый в 2000-ные годы (38 употреблений *относительно друг друга* к 15 *друг относительно друга* в основном корпусе НКРЯ и 15 к 1 – в газетном) и идущий вразрез со сложившимся направлением развития данного сочетания, является следствием нового языкового процесса. Важно подчеркнуть, что оба варианта сочетания функционально абсолютно тождественны: *Обе части перемещаются друг относительно друга со скоростью около 30 километров в год («Знание – сила», 2003); ...субчастицы рибосомы перемещаются относительно друг друга («Наука и жизнь», 2009).* Таким образом, вариативность употребления не связана с семантическим либо функциональным противопоставлением.

По мнению автора настоящего исследования, подобные употребления являются проявлением общей тенденции новейшего периода к препозиционному употреблению предлогов, обусловленной осознанием единства местоимения *друг друга*, представлением о нем как об одном слове и вытекающим из этого стремлением сохранить целостность местоимения. Подтверждением тому становятся распространенные в интернет-дискурсе случаи неграмотного, но очень показательного написания местоимения *друг друга* через дефис, фиксируемые в том числе НКРЯ: *... при столкновении галактик, к примеру, они проходят **сквозь друг-друга**, не поглощая свои компоненты при скоростях столкновения выше определённой (Форум о медицинской диагностике, 2010).* Именно такое написание предлагалось в проекте «Свода правил русского правописания» 2000-ного года Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Постановка предлога в препозиции согласуется и с особенностями устной речи, для которой характерны прогнозируемость построения высказывания, использование определенных речевых формул. Так, употребление глагола либо существительного, требующих определенного

управления, предопределяет появление предлога, тогда как необходимость постановки последнего между компонентами местоимения *друг друга* нарушает «автоматизм», вероятностный ход речи, а постановка предлога перед местоимением, наоборот, поддерживает.

Именно воплощением действия данной тенденции является препозиционное употребление предлога *вблизи*; сохранение вариативности в употреблении предлогов *относительно* (при преимуществе препозиционного варианта) и *напротив* (при преимуществе интерпозиционного варианта); развитие вариативности в функционировании предлогов *вокруг* и *сквозь*. Все эти предлоги давно функционируют в данном качестве, что подтверждается их последовательным употреблением с «н-овыми» формами местоимений третьего лица в современном русском языке. Варианты их использования при местоимении *друг друга* характеризует функциональное равенство, которое может проявляться в тексте одного автора: *Теперь они садились за поперечный столик – друг напротив друга* (Чижова. Лавра, 2002); ... мы, сидя *напротив друг друга*, никогда не теряли эту грань из виду (Чижова. Лавра, 2002);... большие пальцы быстро вращались *друг вокруг друга*, словно наматывая на себя невидимую нить (Пелевин, 1999);... покрутил указательные пальцы *вокруг друг друга*, развел их, потом свел (Эппель, 2000); ... например, "Дозоры" со всеми этими пролетами автомобилей *друг сквозь друга*... (Маслова, Коммерсантъ, 18.01.2008);... трудно поверить в случайность появления этого фильма-штуделя, в котором люди буквально просвечивают *сквозь друг друга* в двойной экспозиции... (Маслова, Коммерсантъ, 14.02.2008).

Частично затронутыми указанной тенденцией оказываются предельно консервативные сочетания взаимно-возвратного местоимения с предлогами *подле*, *возле*, *около*. В те редкие случаи, когда данные предложно-падежные сочетания оказываются в среде современного газетного текста, они также испытывают воздействие тенденции к препозиционному употреблению предлогов: ... супруги и просто возлюбленные тоже будут находиться в зале *возле друг друга* (МК, 2007.02.19). Под влияние попадает и функционирование предлога *против*, прежде всего в устной речи, записях на форумах и комментариях на интернет-сайтах, в отдельных случаях – в газетных текстах и современных художественных произведениях.

Действие общей тенденции сказывается и на появлении случаев препозиции производных предлогов, рассмотренных ранее.

При этом нужно отметить, что если вариативность предложно-падежных сочетаний с предлогами *относительно* и *напротив* может считаться нормой, то препозиционное употребление предлогов *вокруг* и *сквозь* следует признать разговорным, предлогов *подле*, *около*, *возле*, *против* – просторечным, а подобное функционирование производных предлогов – грубым нарушением нормы.

В четвертом разделе выявляются также закономерности функционирования местоимения *друг друга* с составными предлогами, связанные с последовательностью элементов. Если конечный компонент

составного предлога производный, то он «вклинивается» между частями местоимения, нарушая в то же время цельность предлога: *рядом друг с другом, недалеко друг от друга*. Если же конечный компонент представляет собой прежнюю форму полнозначного слова, то составной предлог ставится в препозиции к местоимению: *в отношении друг друга, за счет друг друга*.

В современных текстах отмечаем большое количество употреблений взаимно-возвратного местоимения с предлогами *рядом с, недалеко от, далеко от, вдали от, независимо от, по отношению к, в отношении, за счет, в адрес*. Мало распространенными, но способными употребляться с местоимением *друг друга* являются *вдалеке от, вблизи от, вслед за, навстречу к, по направлению к, в согласии с, вместе с, совместно с, в направлении*.

Показательно, что отмечаются отдельные случаи использования составных предлогов как единого целого в интерпозиции по отношению к местоимению *друг друга*. Подобные употребления, присутствующие в НКРЯ, относятся, в основном, к XX – нач. XXI вв. Это касается, в первую очередь, наиболее распространенных *рядом с, по отношению к, в отношении, за счет*: *По сути, они мучились **друг рядом с другом**, реально вместе не живя. («День и ночь» 2009, №3); Сети также намерены увеличивать прибыль, расширяя **друг за счет друга** сбыт собственных торговых марок (РБК Daily, 2007.11.30).*

Несомненно, подобные примеры отражают процесс осмысления сочетания наречия и предлога или существительного и предлога в качестве единого составного предлога и являются своего рода попыткой включить составной предлог в один ряд с простыми.

Появление таких употреблений в последнее время говорит о том, что общий процесс освоения предлогов системой языка, в том числе путем интерпозиционной постановки относительно местоимения *друг друга*, остается активным для современного русского языка. Тем не менее потенциальные возможности интерпозиционного употребления, присущие составным предлогам, остаются нереализованными, что объясняется действием более частного процесса, ограниченного сферой употребления взаимно-возвратного местоимения: осознание единства местоимения *друг друга* диктует постановку предлогов в препозиции.

В заключении приводятся основные результаты исследования, при этом подчеркивается общность, а также выделяются индивидуальные особенности возвратных местоимений, при этом указывается, что исследование особенностей функционирования группы возвратных местоимений оказывается значимым и для понимания более общих процессов, происходящих в языке, в частности закономерностей эволюции предлогов, развития возвратных глаголов. Тем самым намечаются перспективы дальнейшего исследования, связанные с подробным изучением взаимодействия группы возвратных местоимений с глаголами, выяснением роли местоимений в формировании категории залога, а также с наблюдением за развитием отношений взаимно-возвратного местоимения с предлогами.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Гайнутдинова А.Ф. К вопросу о вариативности в использовании возвратного местоимения в современном русском языке (на материале художественной прозы XIX–XX веков) / А.Ф. Гайнутдинова // Филология и человек. – 2012. – №1. – С.170–177 (**перечень ВАК**).
2. Гайнутдинова А.Ф. Функциональные особенности взаимно-возвратного местоимения «друг друга» / А.Ф. Гайнутдинова // Вестник ТГГПУ.– 2011. – №3 (25). – С.158– 162 (**перечень ВАК**).

Статьи и тезисы в сборниках научных трудов и материалов конференций:

3. Гайнутдинова А.Ф. Об отношении возвратного местоимения к категории одушевленности-неодушевленности / А.Ф. Гайнутдинова // Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение: материалы Междунар. науч.-практ.конф. (10-11 ноября 2011). – Казань: Изд-во Казан. фед. ун-та, 2011. – С. 79–83.
4. Гайнутдинова А.Ф. Соотносительность местоимения «себя» в предложении / А.Ф. Гайнутдинова // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: материалы международной научно-практической конференции. – СПб.: Изд-во РГГПУ им. Герцена, 2011.– С. 63–67.
5. Хунафина А.Ф. Особенности функционирования взаимно-возвратных глаголов на *пере...ива...ся* в русском языке / А.Ф. Хунафина // Русская и сопоставительная филология 2010. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2010. – С. 196–200.
6. Хунафина А.Ф. Особенности употребления местоимений «свой» и «себя» в современном русском языке / А.Ф. Хунафина // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: материалы международной научно-практической конференции. – СПб.: Изд-во РГГПУ им. Герцена, 2010. – С. 90–94.
7. Хунафина А.Ф. Особенности употребления возвратных местоимений / А.Ф. Хунафина // Русская и сопоставительная филология 2009: Исследования молодых ученых. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. – С. 79–83.
8. Хунафина А.Ф. О взаимно-возвратном местоимении «друг друга» в русском языке / А.Ф. Хунафина // В.А. Богородицкий: научное наследие современное языковедение: Тр. и матер. Междунар.науч. конф. (Казань, 4-7 мая 2007 г.). Т.1. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. – С. 87–89.
9. Хунафина А.Ф. К вопросу о «межуровневой» синонимии взаимно-возвратного местоимения «друг друга»// Итоговая научно-образовательная конференция студентов КГУ 2006 года: Сборник тезисов. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. – С. 69.